

Migration in the Russian-Kazakhstan Border Region (on the Example of the South Urals)

Andrey A. Avdashkin

South Ural State University; Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia.
Email: [adrianmaricka\[at\]mail.ru](mailto:adrianmaricka[at]mail.ru)

Abstract

After the collapse of the USSR, the contours of the new state borders crossed the areas of settlement of ethnic groups, making the issue of the nature of the frontier actual. In the Russian-Kazakh sector, this was clearly manifested in the discrepancy between the areas of settlement of the Russian-speaking population and the very line of the state border. The challenges generated by the Kazakhization policy and the difficulties of post-socialist transit stimulated the outflow of the population from the northern regions of Kazakhstan to Russia. The purpose of the article is to reconstruct the migration of the Russian-speaking population in the Russian-Kazakh border area using the example of the South Urals. The source database was made up of archival documents, information from the regional statistics committee on migration, and materials from interviews with Russian-speaking migrants from Kazakhstan. The basis of Central Asian migration to the region was the Russian-speaking population of the border regions of Kazakhstan (Russians, Tatars, Ukrainians, Germans). Two waves of migration stand out clearly: “forced” in the 1990s., and more “pragmatic” in 2000–2019 allowed to significantly compensate for the demographic losses, contributed to the influx of a young and economically active population into the region. The main areas of their exodus were Kostanay and Rudny (Kostanay region). The developed practices of cross-border cooperation and the presence of previously established communities allowed the newcomers to maintain strong ties with their “homeland”, to facilitate the recruitment of new migrants. In the course of the study, the author identified the quantitative and qualitative parameters of migration from Kazakhstan, and determined the role of the frontier in the migration processes to the South Urals.

Keywords

Migration; Frontier; Russian-Kazakh Border Area; Mobility; Diaspora; Russian-Speaking; Northern Kazakhstan; Kostanay; Rudny; Southern Urals

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Миграции в Российско-Казахстанском приграничье (на примере Южного Урала)

Авдашкин Андрей Александрович

Южно-Уральский государственный университет;
 Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия.
 Email: [adrianmaricka\[at\]mail.ru](mailto:adrianmaricka[at]mail.ru)

Аннотация

После распада СССР контуры новых государственных границ пересекли ареалы расселения этнических групп, актуализировав вопрос о природе фронта. На российско-казахстанском участке это ярко проявилось в несоответствии районов расселения русскоязычного населения и самой линии государственной границы. Вызовы, порожденные политикой казахизации и трудностями постсоциалистического транзита, стимулировали отток населения из северных областей Казахстана в Россию. Цель статьи реконструировать миграции русскоязычного населения в российско-казахстанском приграничье на примере Южного Урала. Источниковую базу составили архивные документы, сведения областного комитета статистики о миграции и материалы интервью с русскоязычными мигрантами из Казахстана. Основу среднеазиатской миграции в регион составляло русскоязычное население приграничных районов Казахстана (русские, татары, украинцы, немцы). Отчетливо выделяются две волны миграции: «вынужденная» в 1990-е гг. и более «прагматичная» в 2000–2019 гг. позволили ощутимо восполнить демографические потери, способствовали притоку в регион молодого и экономически активного населения. Основными районами их исхода стали Кустанай и Рудный (Кустанайская область). Развитые практики трансграничной кооперации и наличие сложившихся ранее сообществ позволяли прибывшим сохранять прочные связи с «родиной», содействовать рекрутированию новых мигрантов. В ходе исследования выявлены количественные и качественные параметры миграции из Казахстана, определена роль фронта в миграционных процессах на Южный Урал.

Ключевые слова

миграция; фронт; российско-казахстанское приграничье; мобильность; диаспора; русскоязычные; северный Казахстан; Кустанай; Рудный; Южный Урал

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

После распада СССР русскоязычное население за пределами России стало объектом пристального внимания ученых. Значительный интерес фокусировался на социальных и демографических параметрах русской диаспоры, ее политическом потенциале и др. (см. подробнее: Суций, 2021; Peyrouse, 2007; Laruelle, 2015; Laruelle, 2016; Laruelle, Royce & Beyssembayev, 2019). Однако фактор границы, фронта реального или символического в Средней Азии оставался долгое время на периферии дискуссий (один из интересных примеров таких исследований см.: Flynn, 2007). Границы простираются не только на новых политических картах, но и в представлениях больших групп населения, проживающих по обе их стороны. При этом границы, возникшие после 1991 г., носят противоречивый и неоднородный характер.

Показателен пример российско-казахстанского фронта. В первое постсоветское десятилетие через него прошли масштабные миграции, зачастую вынужденного характера. Цель статьи реконструировать миграции русскоязычного населения в российско-казахстанском приграничье в постсоветский период на южноуральском участке. Обращение к этой проблеме позволит ответить на ряд проблемных вопросов: каков характер перемещений из Казахстана в Россию на этом участке на разных хронологических этапах, как выглядел социальный и этнический состав мигрантов, насколько значима роль приграничных регионов в процессах миграции.

Выбор южноуральского кейса обусловлен следующими соображениями. Челябинск – это город миллионник, расположенный в полосе российско-казахстанской границы. В Челябинской области сосредоточено значительное количество промышленных предприятий, развит агропромышленный комплекс, регион обладает гибким рынком труда. Кроме того, местные учреждения и предприятия поддерживали тесную кооперацию с северным Казахстаном.

Материалы и методы

Источниковую базу составили архивные документы, сведения областного комитета статистики о международной миграции в регион в 2000–2019 гг., 34 глубинных и 16 экспресс-интервью с русскоязычными мигрантами из Казахстана. Сбор интервью проходил в Челябинске, Копейске и Магнитогорске в 2014–2020 гг. Имена информантов изменены по их просьбе.

Отношение к миграции, в том числе с территории Казахстана, позволили проследить данные массового социологического опроса, прошедшего в 15 муниципальных образованиях области (крупные города – Челябинский, Магнитогорский, Миасский, Златоустовский, Копейский городские округа, средние и малые города (муниципальные районы) – Верхнеуфалейский, Чебаркульский, Южноуральский, Усть-Катавский городские округа, Коркинский и

Каслинский муниципальные районы; сельская местность – Красноармейский, Варненский, Кунашакский, Верхнеуральский муниципальные районы). Среди опрошенных 47,6% мужчин и 52,4% женщин. Респондентов в возрасте 18-29 лет – 24,0%, 30-49 лет – 39,7%, 50 лет и старше – 36,3%. По уровню образования 46,0% респондентов с высшим или незаконченным высшим образованием, 41,3% имеют среднее специальное образование, 6,8% – начальное профессиональное образование, а 5,9% среднее общее образование. По социальному положению это 46,5% рабочих, 16,2% служащих, специалистов, 8,8% неработающих пенсионеров, 7,0% руководителей, главных специалистов, 3,9% студентов, 3,0% предпринимателей, 1,5% безработных. Среди других категорий населения в опросе приняли участие самозанятые и военнослужащие. Выборка областная, случайная, представительная, серийная (крупные, средние и малые муниципальные образования, сельская местность) по полу, возрасту и социальному положению. Статистическая погрешность результатов опроса составила 2,2% при доверительном интервале 95%.

Для реконструкции миграционных потоков из Казахстана привлечены следующие документы: из архива Челябинской области (ОГАЧО) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ); областной администрации (ОГАЧО. Ф. Р-700); миграционной службы (ОГАЧО. Ф. Р-705), а также комитета статистики (ОГАЧО. Ф. Р-485). Кроме того, это материалы федеральной миграционной службы (ГАРФ. Ф. 10120) и министерства по делам федерации (ГАРФ. Ф. 10156).

Следуя логике Р. Брубейкера (2005), русские в Казахстане оказались «диаспорой катаклизма». Государственные границы пересекли ареал расселения этнических групп, и 25 млн. русских оказались «мигрантами» (Harris, 1993). Методологически наш обзор затрудняет неоднородность представлений о российско-казахстанском фронтире. В общественно-политическом дискурсе он присутствовал в виде двух конструкций. Первая исходила из формального определения границы между двумя государствами, а вторая предполагала ареал расселения титульных и не титульных групп (Панарин, 1999). Попытка провести границу на основе этих ареалов затруднительна. Вместе с тем в этом не возникало функциональной необходимости, поскольку для самих русскоязычных, проживающих на севере Казахстана, равно как и для населения России, восприятие фронта в пространстве определялось не столько административными границами, сколько этнокультурными ареалами, устоявшимися еще в советское время отношениями поверх границ (Siegelbaum & Moch, 2016).

Понятие «фронт» интерпретируется в литературе не только как физическая или административная граница. Локации, не образующие «фронт» в географическом или политико-юридическом смысле, могут приобретать эти свойства под воздействием иных факторов. На постсоветском пространстве такой «болевым точкой» является представление о реальных границах России

и ареалах расселения русскоязычного населения (Панарин, 1999; Cheskin & Kachuyevski, 2019). В рамках представленного проекта большим эвристическим потенциалом обладает совокупность подходов, интерпретирующих границы в русле «воображаемой географии». Опираясь на них, автор исходит из того, что «фронт» образует не столько государственная граница, сколько территория расселения русскоязычного населения в северных регионах Казахстана. В этом смысле «фронт» возникает в тот момент, когда индивиды и группы его «увидят», включают в нарративы о самих себе, повседневную жизнь, придавая ему множество черт и смыслов.

Для решения комплекса данных вопросов мы применяем транснационализм, объясняющий динамику и характер связей поверх государственных границ в современном мире (Faist, 2010; Капустина & Борисова, 2021). Внимание сосредоточивается на отдельном участке фронта, поэтому большой эвристический потенциал имеет локальность (Абашин, 2012). Она предполагает территориальное и отчасти совпадающее с ним социальное измерение практик мобильности, возвращений на родину, обменов с ней и др. По этой причине целесообразно различать и изучать процессы отдельно для каждого специфического участка, через который происходят перемещения.

Российско-Казахстанский фронт: характеристика населения

Население северной части Казахстана к моменту распада СССР складывалось из двух примерно равных категорий: казахи и условно «европейское» население (русские, немцы, украинцы, поляки и др. этнические группы). Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., русскоязычное население составляло порядка 70% в областях северного Казахстана. На юге казахи образовывали большинство и соседствовали с меньшинствами «европейского» и «азиатского» происхождения (например, дунгане и корейцы).

Пять из семи областей с высокой концентрацией русскоязычного населения примыкали к РСФСР, образуя очертания будущего фронта. Добавим сюда историческую память об освоении этих земель русскими переселенцами в советском и имперском прошлом. Все это в совокупности формировало образ северного Казахстана как зоны концентрации русскоязычного населения (Тертри, 2017; Kolstø, 1996).

Важно отметить отсутствие в Казахстане «ядра», консолидирующего пространство. Крупные социокультурные и производственные центры, инфраструктура, районы концентрации населения – все они расположены преимущественно на периферии. При этом они скорее тяготели не к интеграции между собой, а ориентировались на регионы в соседних государствах (Масанов, 1995). По этой причине столицу перенесли ближе к «центру»

в Астану, чтобы консолидировать пространство, привлечь население и др. (Wolfel 2002; Anacker 2004; Bissenova, 2017).

Название области	Доля русскоязычного населения
Кокчетавская	69,6%
Павлодарская	70,2%
Восточно-Казахстанская	72%
Целиноградская	75,1%
Кустанайская	75,3%
Карагандинская	78,3%
Северо-Казахстанская	80,5%

Таблица 1. Доля русскоязычных в структуре населения северных областей Казахстана в 1989 г.

Table 1. Proportion of Russian-speakers in the structure of the population of northern regions of Kazakhstan in 1989.

После обретения независимости элиты Казахстана столкнулись с проблемами национального строительства в стране, где соотношение русского (даже не русскоязычного) и казахского населения составляло 39,7% к 37,8%. Результатом стал сложный и неоднозначный процесс казахизации. Более подробно с его содержанием и динамикой можно ознакомиться в солидной серии публикаций на эту тему (Kaiser & Chinn, 1995; Sarsembayev, 1999; Faranda & Nolle, 2011; Kesici, 2011; Spehr & Kassenova, 2012; Beacháin, & Kevlihan, 2013). Увеличение численности казахского населения за счет репатриации казахов (Zeveleva, 2014; Kaiser & Beimenbetov, 2020) сопровождалось высоким уровнем рождаемости среди титульной группы, естественной убылью и оттоком русских вместе со многими европейскими этническими группами (Савин, 2010; Алексеенко, Аубакирова & Жанбосинова, 2019). Этот период характеризуются массовыми вынужденными миграциями, пик которых пришелся на 1994 г., когда страну покинула 481 тыс. (Садовская, 2009). В итоге к 2017 г. численность русского населения сократилась почти на 40% (с 6,1 млн. до 3,6 млн.), и основную роль здесь сыграла именно миграция (Суций, 2018). Наиболее активный отток происходил в полосе российско-казахстанского фронта (Diener, 2015).

Русскоязычное население столкнулось с целым рядом вызовов, проявлявших себя в языковой и кадровой политике, сфере административных преобразований и маркировки пространства новыми символами и топонимами (Панарин, 1999). В этих условиях ответом большинства стала внешняя миграция. Период наиболее динамичного оттока русскоязычных групп насе-

ления – русских, украинцев и немцев – пришелся на середину 1990-х гг. К 1997 г. только официально Казахстан покинули 900 тыс. русских. Большая часть мигрантов устремилась в Россию. Так, по данным ФМС и Росстата, в 1992–2006 гг. свыше 4 млн. человек приняли российское гражданство. Из них 1,3 млн. до этого состояли в гражданстве Казахстана. Это наибольший показатель среди других государств.

Хотя масштабы миграции из Казахстана менялись на протяжении последних 30 лет, сегодня возможность переезда рассматривается ограничено, поскольку экономические или социальные условия в Казахстане стали более приемлемы, а для достижения схожего уровня жизни в России необходимо выдержать ощутимую конкуренцию. Приграничная русская община Казахстана, похоже, согласовала свое восприятие родины как точки компромисса, в которой этническая идентичность переносится на более широкую гражданскую казахстанскую принадлежность. Они стали «русскими-казахстанцами» (Diener, 2022). Об этом свидетельствует, к примеру, увеличение частоты межэтнических браков и постепенное стирание межгрупповых барьеров (Казиев, Могунова & Могунов, 2020). Однако это не отменяет многочисленных трудностей формирования и наполнения этой гибридной идентичности, складывающейся на основе этнической, гражданской и территориальной составляющей (Нысанбаев, Бурова & Сайлаубекқызы, 2019; Rees & Williams, 2017; Rees, Williams & Diener, 2021). На широком эмпирическом материале показан «разрыв» в идентичности русскоязычных, вызванный нестабильностью их материального положения, ощущением исключенности из общества и своего рода самоизоляции (Jašina-Schäfer, 2019; Blackburn, 2019). Фактор «границы с Россией» и «большого количества русских» в северных районах страны сегодня играет важную роль в представлениях студенческой молодежи о регионах Казахстана (Есимова & Валитова, 2018).

Миграция из приграничных областей Казахстана: Южноуральский участок

В 1992–2000 гг. российско-казахстанскую границу пересекли масштабные миграционные потоки, носившие однонаправленный характер. Только из Казахстана прибыло около 1,8 млн. человек, Узбекистана – 676 тыс., Киргизии – 323 тыс., Таджикистана – 325 тыс., Туркменистана – 135 тыс. В обратном направлении проследовали около 610 тыс. человек. Так прирост населения России за счет среднеазиатской миграции на фоне тяжелейших социально-экономических потрясений конца XX в. составил 2,7 млн. человек (свыше 70% русские). (См.: Мкртчян, 2002).

В постсоветские годы Челябинская область приняла значительное количество трансграничных мигрантов. Основная их часть прибыла из приграничных областей Казахстана. Этот процесс претерпел две стадии. Первая

пришлась преимущественно на 1990-е гг. и была связана с вызовами политики казахизации. Вооруженные конфликты на постсоветском пространстве спровоцировали масштабный исход населения. Однако в середине 1990-х гг. векторы вынужденных миграций заметно сместились на Урало-Поволжский регион и Западную Сибирь, в первую очередь в приграничные с Казахстаном регионы (ГАРФ. Ф. 10156. Оп. 1. Д. 318. Л. 13).

В 1992-1994 гг. в Уральский регион приехали только по официальным данным 65 тыс. вынужденных мигрантов. На территории Челябинской области находились около 6 тыс. человек (из них 5 тыс. русских). В условиях катастрофической нехватки ресурсов у государства многие предпочитали обустраиваться с опорой на свои силы. Нельзя забывать о психологических и организационных факторах, которые затрудняли подсчеты. Осознавая значительные психологические издержки и трудности в преодолении бюрократических процедур, заметное количество не оформляло официальный статус беженцев или вынужденных переселенцев. В 1992-1998 гг. в миграционную службу Челябинской области поступило более 30 тыс. обращений. Однако официальный статус получили лишь 22 тыс. (Рассчитано автором по: ГАРФ. Ф. 10120. Оп. 1. Д. 727. Л. 2, 16, 26, 37, 48, 59, 70; ОГАЧО. Ф. Р-705. Оп. 1. Д. 16. Л. 22).

Этнический состав образован преимущественно русскоязычным населением. Из 22 тыс. официально зарегистрированных вынужденных мигрантов 17 тыс. составляли русские (Рассчитано автором по: ГАРФ. Ф. 10120. Оп. 1. Д. 80. Л. 3; Д. 727. Л. 80; Суворова, Журавлев, Иванова, 1997. С. 12). По регионам исхода ведущие позиции занимает Казахстан; порядка 7,6 тыс. мигрантов прибыли из этой страны (ОГАЧО. Ф. Р-700. Оп. 1. Д. 583. Л. 12). На наш взгляд, русскоязычных мигрантов было больше, но источники, которые позволили бы провести более достоверные подсчеты, не обнаружены. Ориентиром служат материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. Общая численность только русских, выехавших к 2002 г. из Казахстана и живших в Челябинской области, оценивается в районе 47 тыс. Сюда стоит прибавить еще 1900 немцев и 6200 украинцев. Всего русских из Средней Азии насчитывалось около 60 тыс. (ОГАЧО. Ф. Р-485. Оп. 28. Д. 5. Л. 1-8). Это позволило существенно компенсировать негативные эффекты, вызванные естественной убылью населения и низкой рождаемостью.

Практически нет достоверных сведений о том, из каких районов Казахстана прибывали мигранты. Н. Мкртчян уточнил роль обменов между приграничными регионами Казахстана и России на 1995 г (Мкртчян, 2002). Вплоть до 1996 г. Госкомстат России собирал полные данные о миграции между отдельными регионами государств нового зарубежья. В дальнейшем от такой детализации отказались¹, и данные аккумулировались уже по государствам в

1 В российские регионы в зоне фронта в 1997-2000 гг. прибыло 498,3 тыс. человек, в т.ч. 406 – из Казахстана и других государств Средней Азии (81,5% всех прибывших). Выбыли 94 тыс., иными словами на 5 прибывших приходился 1 выбывший. При том, что на 12 приграничных областей приходится немногим более 17% населения России, в российско-казахстанском приграничье осели 46% прибывших в Россию

целом, что ощутимо сократило источниковую базу для исследования региональных кейсов.

Субъекты Российской Федерации	Во всей миграции в РФ	В миграции со странами СНГ и Балтии	В миграции с Казахстаном
Алтайский край	17,7	34,7	52,1
Республика Алтай	3,3	9,4	14,4
Астраханская область	4,7	12,3	41,3
Волгоградская область	1,2	2,9	12,1
Курганская область	15,3	34,8	60,9
Оренбургская область	13,3	26,2	25,2
Омская область	23,5	42,8	59,2
Новосибирская область	3,5	8,6	17
Самарская область	1,9	4,3	13
Саратовская область	3,5	7,4	27
Тюменская область	6,2	17,6	38,5
Челябинская область	7,3	18,9	43,1

Таблица 2. Доля прибытий из приграничных областей Казахстана в общей численности прибывших в приграничные регионы России в 1995 г. в %

Table 2. Proportion of arrivals from the border regions of Kazakhstan in the total number of arrivals to the border regions of Russia in 1995

Челябинская область в середине 1990-х гг. входила в число регионов, где основу миграции из Казахстана составляли жители приграничья. В дальнейшем эти тренды сохранялись или приобретали более выраженный и устойчивый характер. Об этом же говорят данные глубинных интервью. Большинство опрошенных нами мигрантов говорят о том, что для «кустанайцев» основной вектор перемещений пролегал именно в Челябинскую область (обычно из таких городов как Рудный или Кустанай).

из Казахстана, 28% прибывших из Киргизии, 25% прибывших из Таджикистана и Узбекистана.

Когда мы ехали в Челябинск, мы уже знали, что здесь сложилась своя большая «кустанайская диаспора». Низкий уровень возможностей на старте влек всех в самые ближайшие города.

Миграционные сценарии не предполагали опасности для жизни или эвакуацию из зоны вооруженного противостояния. Напротив, выходцы из Казахстана имели определенные возможности подготовить свой переезд. Это включало продажу имущества, оформление документов, предварительный сбор информации или разведку, поиск работы, достижение договоренностей с родственниками или знакомыми о приеме и др. По этой причине многие на начальном этапе не имели возможности доказать вынужденный характер переселения. В этих непростых условиях миграционные службы шли навстречу и регистрировали их как вынужденных переселенцев.

Год	Прибыл	Выбыл	Прирост
2000	8492	998	+7494
2001	3328	932	+2396
2002	3110	798	+2312
2003	1663	773	+890
2004	1618	683	+935
2005	3509	879	+2630
2006	2137	714	+1423
2007	2307	634	+1673
2008	2582	535	+2047
2009	2420	589	+1831
2010	1310	518	+792
2011	1568	412	+1156
2012	1999	399	+1600
2013	2334	453	+1881
2014	3213	569	+2644
2015	4098	1486	+2612
2016	5473	1758	+3715
2017	5494	2250	+3244
2018	5049	3079	+1970
2019	7438	3970	+3468

Таблица 3. Миграция из Казахстана в Челябинскую область в 2000–2019 гг.

Table 3. Migration from Kazakhstan to the Chelyabinsk region in 2000–2019.

В начале 2000-х гг. численность вынужденных переселенцев и беженцев, по данным Челябинскстата, не превышала 1 тыс. чел., подавляющее большинство которых прибыло из Казахстана (в 2000 г. – 991, в 2001 – 413, в 2002 г. – 162). По состоянию на 2019 г. этот показатель не превышал 53 чел. В последние два десятилетия миграционный поток из Казахстана в Челябинскую область несколько стабилизировался. По данным наших информантов, его основу на современном этапе составляли образовательные мигранты, а также семьи с детьми до 18 лет. Среди основных мотивов переезда из Казахстана в Россию названы: высокий уровень коррупции и отсутствие перспектив. Эти данные в целом коррелируют с результатами проекта, посвященного миграции молодежи из Центральной Азии (Внешняя молодежная миграция....2019).

Согласно данным ФОМ, выходцы из Казахстана относятся к группе «желательных» мигрантов для жителей РФ¹ (Иммиграция в Россию: благо или вред?). Выходцы из приграничных областей Казахстана за прошедшие десятилетия стали «привычны» для местного населения. Благодаря минимальной культурной дистанции и притоку квалифицированных кадров, ксенофобия, черты которой время от времени фиксировались в отношениях выходцев из Казахстана и принимающей стороны на начальном этапе, ощутимо снизилась.

Первое время ощущалась некоторая напряженность. Хотя мы русские, нас воспринимали как понаехавших. Когда брали на работу, «местные» укоряли руководителей: «А что, своих нет?». Время такое было...сейчас привыкли и уже не обращают внимание.

Согласно данным финансового университета при Правительстве РФ Челябинск в 2021 г. занял 9 строчку в рейтинге российских городов, привлекательных для квалифицированных мигрантов. Южноуральская столица оказалась в приоритете у жителей Казахстана (Подольская, 2021). Это служит подтверждением того, что в ближайшие годы миграции в российско-казахстанском приграничье сохранят свою положительную динамику и направленность. По данным социологического опроса, проведенного в Челябинске в 2021 гг., мигранты из Казахстана среди всех групп, прибывающих из государств Азии, вызывают у южноуральцев меньше всего отрицательных эмоций (см.: таблица 4).

1 Представители Республики Беларусь (25%), Украины (21%), Германии (16%) и Казахстан (15%) находятся на первых строчках в «народном» рейтинге для въезда в Россию. В антирейтинге оказались представители таких стран, как Таджикистан (15%), Узбекистан (14%), Украина (13%), США (11%), Китай (9%).

	Казахстан	Китай	Узбекистан	Кыргызстан	Таджикистан
Положительное	14,6	8,2	4,7	4,7	4,1
Нейтральное	77,1	61,1	67,3	70,7	65,7
Отрицательное	5,9	27,9	24,7	21,0	26,7

Таблица 4. Отношение жителей Челябинской области к мигрантам из стран Азии в 2021 г. (в % к общему числу опрошенных)

Table 4. The attitude of residents of the Chelyabinsk region to migrants from Asian countries in 2021 (in % of the total number of respondents)

Анализ собранных нарративов позволил рассмотреть транснациональные практики наших информантов. Долгое время жители приграничья даже не воспринимали границу как «настоящий» рубеж. Между территориями, разделенными новой государственной границей, были развиты сложные и многоуровневые личные, семейные, хозяйственные и др. отношения. Как отметила Юлия:

Какая граница? Многим сады и дачи давали на территории, которая стала потом казахстанской. Просто через реку переплыть....

В этих сложных переходных экономических условиях по обе стороны границы процветала контрабандная торговля, развивались практики перевоза мигрантов через границу. Такое трансграничное посредничество становилось ключевым источником дохода для многих жителей приграничных территорий. Один из информантов рассказал, как происходило пересечение границы:

...На приграничных станциях в Казахстане люди сходили с поезда и пешком доходили до условного места, где я их брал в машину и провозил. Поле сплошное же по сути.

Некоторое время, когда в Челябинске активно функционировал «китайский» рынок (1990-е гг.), китайские товары провозили на фурах через российско-казахстанскую границу, минуя пограничный контроль. Крайне сложный сюжет повествований связан с кражей скота, техники и др. имущества по обе стороны границы. Как отметил Руслан:

...в те годы (1996-1998 гг.) привозил раз в неделю партию мяса из Казахстана на продажу. Если честно, не всегда у меня была уверенность, что эта говядина не была украдена вчера у моих соседей кем-то из казахстанцев на днях....¹

Одним из важных постулатов транснационализма выступает смещение исследовательского фокуса с принимающего общества в сторону пропорционально равного изучения отправляющей и принимающей стороны (Капустина & Борисова, 2021). Нельзя забывать, что приграничные регионы северного

1 Обзор местной печати действительно показал, что это было серьезной проблемой для приграничных районов

Казахстана фактически представляют собой периферию, удаленную от развитых рынков труда и услуг. По этой причине население многих приграничных районов ориентируется на ближайшие экономические и культурные центры, расположенные на территории России. Информанты подчеркнули, что жителям приграничья Северо-Западной области Казахстана удобнее ехать в Оренбург или Самару, Атырауской – в Астрахань, Кустанайской – в Челябинск, Магнитогорск и (или) Екатеринбург. Перемещения в приграничье происходили на сравнительно небольшие расстояния. К примеру, Челябинск и Кустанай разделяет всего 321 км., тогда как расстояние между Екатеринбургом и Челябинском составляет около 215 км., расстояние до Уфы – 420 км., а до Оренбурга и вовсе превысит 700 км. По причине транспортной доступности и наличия большого количества знакомых многие выбирают именно Челябинск.

Большинство описаний сосредоточены на крайне малом влиянии фактора границы, ее барьерности на повседневную жизнь – «...она словно есть, но ее нет». Граница воспринимается не как жесткая линия разделения, а скорее как неминуемая рутинная процедура в устоявшихся за много лет отношениях. Например, в исследовании О. Вединой (2015, с. 48) информанты описали эти повседневные транснациональные отношения примерно так: «... вон казахи, сейчас поедem к ним, водки попьем, приедут к нам, они у нас попьют. Шашлык сделаем, бешбармак».

Помимо этого собранные интервью показывают, что из России информанты едут в основном с целью навестить родственников, сделать выгодные покупки для своих нужд или последующей перепродажи. Широко распространены и неформальные виды занятости, имеющие транснациональный характер. В частности, речь идет об активной челночной торговле и теневом бизнесе. Это поставка недорогой алкогольной продукции и кондитерских изделий из Казахстана (речь шла как раз о кондитерской фабрике в Кустанае). Так, Николай регулярно привозил под заказ небольшие партии коньяка, сигарет, конфет и пряников, «которые намного лучше и дешевле челябинских».

В свою очередь, основные причины приездов из Казахстана – это покупки (показателен пример «рейдов за айфонами» и автомобилями в 2014 г. после обвала курса рубля), получение образовательных и медицинских услуг (Зотова, Гриценко & Себенцов, 2018, с. 70–71). Челябинск как крупный центр их предоставления расположен для жителей приграничья существенно ближе и удобнее, нежели аналогичные казахстанские.

Обучение детей в крупных российских образовательных центрах (в данном случае в Челябинской области) становится одной из долговременных жизненных стратегий жителей регионов северного Казахстана. В основном абитуриенты приезжают из Кустанае. Большинство наших информантов упоминали ЮУрГУ, ЧелГУ, вузы Магнитогорска. В Кустанае действует

филиал ЧелГУ, через который многие продолжали обучение в магистратуре, но уже в Челябинске.

Уровень доступности медицины в России намного выше, чем в крупных городах Казахстана. В зоне российско-казахстанского фронта за медицинскими услугами – роды, операции на сердце, диагностика и лечение онкологических заболеваний – едут обычно в Россию. Некоторые информанты в ходе наших бесед даже рассказали о том, как они сами или их знакомые ездили в Челябинск делать платно МРТ, сложные операции или для лечения катаракты. Платные консультации предпочитают получать у российских врачей. Вот что нам рассказала Людмила.

В Казахстане больше денег придется отдать за лечение. Всем, на всех уровнях (!) надо что-то поднести и не факт, что сделают хорошо. В России все намного проще. Понятно кому и за что платишь, платишь, но один раз.

Анализ рассказов недавних мигрантов позволяет выделить и такую стратегию, как периодические возвращения в Казахстан, совершаемые с целью «проведать близких и друзей». При условии успешного сценария адаптации такие поездки служат триггером для снятия с места все новых мигрантов, приезжающих на «разведку».

Обзор собранных нарративов показал нам несколько основных стратегий миграционного поведения, которые реализуются мигрантами из Казахстана. Первая характерна для недавних русскоязычных мигрантов. Она предполагает закрепление семьи в Челябинске и переезд детей в другой крупный город. Обычно это Новосибирск, Тюмень, Екатеринбург, Москва. Логика их выбора исходит из того, что там успешно устроился кто-то из знакомых, опять же из Казахстана. Вторая наблюдается чаще у немцев, корейцев и поляков. Разница с первой только в том, что часто рассматриваются варианты репатриации на историческую родину (Германия, Польша) или переезд в США (характерно для корейцев).

Важной единицей анализа транснациональных пространств выступает семья (Капустина & Борисова, 2021). В изучении транснациональных семей нас интересовали не только контакты и эмоциональная сопричастность, но и межпоколенческие изменения, анализ принятия решений о переезде (или возвращении), многомерность семейных связей и стратегий наших информантов. Миграция из Казахстана постепенно сокращается и приобретает более прагматичный характер. Представители нетитульной группы ожидают момента выхода на пенсию, завершения учебы детей в школе и др.

Я сам – казах, жена – украинка. Дочери не воспринимались как казашки. Их то азербайджанками называли, то татарками. Решили уехать, когда старшая школу закончила. Мы останемся в Челябинске, а они пусть уезжают. Старшая дочь уже в Новосибирске работала и в Твери. Пока молодая, пусть ищет свое место в жизни.

В ходе полевого этапа исследований удалось обнаружить множество таких семей. Чаще всего это представители старшего поколения, которые не смогли или не захотели покинуть Казахстан в 1990-х или начале 2000-х гг. Яркий пример сестры нашего информанта Людмилы. Будучи высококвалифицированными специалистами (врачи), сестры Людмилы не решились уезжать в Россию, отправили туда только детей. Это позволило сохранить «запасной аэродром» в Казахстане и не подвергаться резкой девальвации статуса («кто сразу возьмет на должность в России?») Такие семьи регулярно поддерживают между собой связь, постоянно общаясь в мессенджерах и социальных сетях.

У меня не бывает дней, когда не позвонила бы дочери и внукам в What's App. Почти каждый день звоню сестрам, узнаю как здоровье. Делимся фотографиями с ценниками из магазинов.

Заключение

Близость фронта оказала определяющее влияние на миграционную ситуацию на Южном Урале в постсоветский период. Основу миграционного прироста составляло русскоязычное население из приграничных областей Казахстана (в данном случае Кустанайской). В этом смысле основу среднеазиатской миграции образовывали не иноэтничные мигранты, а группы, культурно близкие для принимающей стороны (русские, татары, украинцы и немцы). Миграционные потоки благотворно сказывались на Челябинской области, позволяя восполнить демографические потери экономически активным населением.

На смену широким потокам вынужденной миграции, вызванным трудностями постсоциалистического транзита и последствиями казахизации, приходят более продуманные и прагматичные сценарии миграционного поведения. Переезд тщательно продумывается, по каналам, созданным прежними волнами мигрантов, происходит сбор всей необходимой информации. Челябинск воспринимается как «трамплин» для закрепления в России. В скором времени после переезда формулируются новые миграционные сценарии, но уже в масштабах России, и в приоритете находятся другие, более успешные города-миллионники или страны дальнего зарубежья.

В этнополитическом измерении мы видим, как фронтир в интерпретации ареала расселения русскоязычного населения постепенно движется на север. Он медленно, но верно приходит в соответствие с фронтиром как политико-юридической категорией. В результате бурных преобразований фронтир, если угодно «дрогнул», утратив уверенность в том, что сохранится под воздействием внешних процессов. В результате близость к России, наличие крепких связей с жителями соседних российских областей – иными словами то, что раньше придавало уверенность и сдерживало отток, в новых условиях стало его стимулировать. Повествования наших информантов говорят,

что в ближайшие десятилетия воображаемый фронтир сравняется с реальным (т.е. границей). Тем самым трансграничные миграции и практики приобретут иную динамику, постепенно исчезая.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-49-740007. Автор благодарит заведующую кафедрой Социологии ЮУрГУ Е.И. Салганову за помощь в сборе данных социологического опроса населения Челябинской области.

Список литературы

- Anacker, S. (2004). Geographies of Power in Nazarbayev's Astana. *Eurasian Geography and Economics*, 45(7), 515–533. <https://doi.org/10.2747/1538-7216.45.7.515>
- Beacháin, O. D., & Kevlihan, R. (2013). Threading a needle: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building. *Nations and Nationalism*, 19(2), 337–356. <https://doi.org/10.1111/nana.12022>
- Bissenova, A. (2017). The Fortress and the Frontier: Mobility, Culture, and Class in Almaty and Astana. *Europe-Asia Studies*, 69(4), 642–667. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1325445>
- Blackburn, M. (2019). Discourses of Russian-speaking youth in Nazarbayev's Kazakhstan: Soviet legacies and responses to nation-building. *Central Asian Survey*, 38(2), 217–236. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1615409>
- Brubaker, R. (2005). The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1–19. <https://doi.org/10.1080/0141987042000289997>
- Cheskin, A., & Kachuyevski, A. (2019). The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. *Europe-Asia Studies*, 71(1), 1–23. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1529467>
- Diener, A. C. (2015). Assessing potential Russian irredentism and separatism in Kazakhstan's northern oblasts. *Eurasian Geography and Economics*, 56(5), 469–492. <https://doi.org/10.1080/15387216.2015.1103660>
- Diener, A. C. (2022). Multi-Scalar Territorialization in Kazakhstan's Northern Borderland. *Geographical Review*, 112(1), 125–146. <https://doi.org/10.1080/00167428.2020.1814676>
- Faist, T. (2010). Diaspora and transnationalism: What kind of dance partners? In R. Bauböck & T. Faist (Eds.), *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.5117/9789089642387>
- Faranda, R., & Nolle, D. B. (2011). Boundaries of ethnic identity in Central Asia: Titular and Russian perceptions of ethnic commonalities in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Ethnic and Racial Studies*, 34(4), 620–642. <https://doi.org/10.1080/01419870.2010.516004>
- Flynn, M. (2007). Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan. *Nationalities Papers*, 35(2), 267–288. <https://doi.org/10.1080/00905990701254359>

- Harris, C. D. (1993). The New Russian Minorities: A Statistical Overview. *Post-Soviet Geography*, 34(1), 1-27. <https://doi.org/10.1080/10605851.1993.10640919>
- Jašina-Schäfer, A. (2019). Where Do I Belong? Narratives of *Rodina* among Russian-speaking Youth in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 71(1), 97-116. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1508645>
- Kaiser, M., & Beimenbetov, S. (2020). The Role of Repatriate Organisations in the Integration of Kazakhstan's Oralmandar. *Europe-Asia Studies*, 72(8), 1403-1425. <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1779183>
- Kaiser, R., & Chinn, J. (1995). Russian-Kazakh Relations in Kazakhstan. *Post-Soviet Geography*, 36(5), 257-273. <https://doi.org/10.1080/10605851.1995.10640992>
- Kesici, O. (2011). The Dilemma in the Nation-Building Process: The Kazakh or Kazakhstani Nation. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 10(1), 31-58.
- Kolstø, P. (1996). The new Russian diaspora - an identity of its own? Possible identity trajectories for Russians in the former Soviet republic. *Ethnic and Racial Studies*, 19(3), 609-639. <https://doi.org/10.1080/01419870.1996.9993927>
- Laruelle, M. (2015). Russia as a "Divided Nation," from Compatriots to Crimea: A Contribution to the Discussion on Nationalism and Foreign Policy. *Problems of Post-Communism*, 62(2), 88-97. <https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1010902>
- Laruelle, M. (2018). Why No Kazakh Novorossiya? Kazakhstan's Russian Minority in a Post-Crimea World. *Problems of Post-Communism*, 65(1), 65-78. <https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1220257>
- Laruelle, M., Royce, D., & Beyssembayev, S. (2019). Untangling the puzzle of "Russia's influence" in Kazakhstan. *Eurasian Geography and Economics*, 60(2), 211-243. <https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1645033>
- Peyrouse, S. (2007). Nationhood and the minority question in Central Asia. The Russians in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 59(3), 481-501. <https://doi.org/10.1080/09668130701239930>
- Rees, K. M., Webb Williams, N., & Diener, A. C. (2021). Territorial Belonging and Homeland Disjuncture: Uneven Territorialisations in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 73(4), 713-739. <https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1891206>
- Rees, K. M., & Williams, N. W. (2017). Explaining Kazakhstani identity: Supraethnic identity, ethnicity, language, and citizenship. *Nationalities Papers*, 45(5), 815-839. <https://doi.org/10.1080/00905992.2017.1288204>
- Sarsembayev, A. (1999). Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990s. *Central Asian Survey*, 18(3), 319-346. <https://doi.org/10.1080/02634939995605>
- Siegelbaum, L. H., & Moch, L. P. (2016). Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union. *Slavic Review*, 75(4), 970-986. <https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.4.0970>
- Spehr, S., & Kassenova, N. (2012). Kazakhstan: Constructing identity in a post-Soviet society. *Asian Ethnicity*, 13(2), 135-151. <https://doi.org/10.1080/14631369.2012.638802>
- Wolfel, R. L. (2002). North to Astana: Nationalistic motives for the movement of the Kazakh(stani) capital. *Nationalities Papers*, 30(3), 485-506. <https://doi.org/10.1080/0090599022000011723>

- Zeveleva, O. (2014). Political aspects of repatriation: Germany, Russia, Kazakhstan. A comparative analysis. *Nationalities Papers*, 42(5), 808–827. <https://doi.org/10.1080/00905992.2014.916663>
- Абашин, С. Н. (2012). Среднеазиатская миграция: Практики, локальные сообщества, транснационализм. *Этнографическое обозрение*, 4.
- Алексеев, А. Н., Аубакирова, Ж. С., & Жанбосинова, А. С. (2019). Этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы в Казахстане. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 64(4), 1368–1385. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.413>
- Вендина, О. (2019). Жизнь в пограничье: Интерпретация проблем пограничной безопасности жителями приграничных городов России. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*, 11(2). <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-2-30-69>
- Внешняя молодежная миграция в странах Центральной Азии: Анализ рисков и минимизация негативных последствий. (2019). Международная организация по миграции.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). (б. д.).
- Есимова, А. Б., & Валитова, З. Х. (2018). Представления студенческой молодежи Казахстана о регионах страны (опыт использования ментальных карт). *Социологические исследования*, 4, 36–42. <https://doi.org/10.7868/S0132162518040049>
- Зотова, М. В., Гриценко, А. А., & Себенцов, А. Б. (2018). Повседневная жизнь в российском пограничье: Мотивы и факторы трансграничных практик. *Мир России*, 27(4), 56–77. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77>
- Иммиграция в Россию: Благо или вред? (2019, декабрь 19). ВЦИОМ. Новости. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred>
- Казиев, С. Ш., Могунова, М. В., & Могунов, С. В. (2020). Межэтнические браки в среде городских русских и казахов Северного Казахстана. *Вестник антропологии*, 51(3), 136–152. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-51-3/136-152>
- Капустина, Е., & Борисова, Е. (2021). Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма. В С. Н. Абашина & О. Е. Бредникова (Ред.), *Жить в двух мирах: Переосмысляя транснационализм и транслокальность* (с. 14–29). Новое литературное обозрение.
- Масанов, Н. Э. (1995). Национально-государственное строительство в Казахстане: Анализ и прогноз. *Вестник Евразии*, 1, 117–128.
- Мкртчян, Н. (2002). Этническая структура миграционных потоков из Центральной Азии в российское приграничье. *Демоскоп Weekly*. <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/087/analit03.php#3>
- Нысанбаев, А. Н., Бурова, Е. Е., & Сайлаубекқызы, А. (2019). Особенности идентичности казахстанцев в условиях поликультурного общества. *Социологические исследования*, 7, 37–47. <https://doi.org/10.31857/S013216250005791-3>
- Панарин, С. (1999). Русскоязычные у внешних границ России: Вызовы и ответы (на примере Казахстана). *Диаспоры*, 2–3, 137–169.
- Подольская, Е. (2021). Челябинск вошел в топ-10 городов, привлекательных для мигрантов с профессией. Южноуральская панорама. <http://www.up74.ru/articles/news/128485/>
- Савин, И. С. (2010). Русские в современном Казахстане. *Социологические исследования*, 8, 81–88.

- Садовская, Е. Ю. (2009). Казахстан в Центральноазиатской миграционной субсистеме. В Ж. А. Зайончковская & Г. С. Витковская (Ред.), *Постсоветские трансформации: Отражение в миграциях* (с. 279–321). ИТ «АдамантЪ».
- Суворова, Н. Н., Журавлев, А. В., & Иванова, Т. М. (1997). *Анализ миграционных процессов на территории Челябинской области*. Челябинск.
- Суций, С. Я. (2018). Русские Казахстана – геодемографическая динамика постсоветского периода и перспективы первой половины XXI в. *Социологические исследования*, 8, 22–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250000759-7>
- Суций, С. Я. (2021). Русские ближнего зарубежья в постсоветский период: Геодемографические, этносоциальные, социокультурные аспекты. *Народонаселение*, 24(1), 103–116. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.10>
- Тертри, Д. (2017). Русский вопрос в постсоветский период. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, 62(1), 43–56. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.104>
- Челябинский государственный архив Российской Федерации (ОГАЧО). (б. д.).
- Чудиновских, О. (2008). За 1992–2006 годы гражданство России приобрели более 6 миллионов человек. *Демоскоп Weekly*. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema03.php>

References

- Abashin, S. N. (2012). Central Asian Migration: Practices, Local Communities, Transnationalism. *Ethnographic Review*, 4. (In Russian).
- Alekseenko, A. N., Aubakirova, Zh. S., & Zhanbosinova, A. S. (2019). Ethno-demographic evolution and the formation of a sovereign demographic system in Kazakhstan. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 64(4), 1368–1385. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.413> (In Russian).
- Anacker, S. (2004). Geographies of Power in Nazarbayev's Astana. *Eurasian Geography and Economics*, 45(7), 515–533. <https://doi.org/10.2747/1538-7216.45.7.515>
- Beacháin, O. D., & Kevlihan, R. (2013). Threading a needle: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building. *Nations and Nationalism*, 19(2), 337–356. <https://doi.org/10.1111/nana.12022>
- Bissenova, A. (2017). The Fortress and the Frontier: Mobility, Culture, and Class in Almaty and Astana. *Europe-Asia Studies*, 69(4), 642–667. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1325445>
- Blackburn, M. (2019). Discourses of Russian-speaking youth in Nazarbayev's Kazakhstan: Soviet legacies and responses to nation-building. *Central Asian Survey*, 38(2), 217–236. <https://doi.org/10.1080/02634937.2019.1615409>
- Brubaker, R. (2005). The 'diaspora' diaspora. *Ethnic and Racial Studies*, 28(1), 1–19. <https://doi.org/10.1080/0141987042000289997>
- Chelyabinsk State Archives of the Russian Federation* (OGACHO). (n. d.). (In Russian).
- Cheskin, A., & Kachuyevski, A. (2019). The Russian-Speaking Populations in the Post-Soviet Space: Language, Politics and Identity. *Europe-Asia Studies*, 71(1), 1–23. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1529467>

- Chudinovskikh, O. (2008). In 1992–2006, more than 6 million people acquired Russian citizenship. Demoscope Weekly. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0335/tema03.php> (In Russian).
- Diener, A. C. (2015). Assessing potential Russian irredentism and separatism in Kazakhstan's northern oblasts. *Eurasian Geography and Economics*, 56(5), 469–492. <https://doi.org/10.1080/15387216.2015.1103660>
- Diener, A. C. (2022). Multi-Scalar Territorialization in Kazakhstan's Northern Borderland. *Geographical Review*, 112(1), 125–146. <https://doi.org/10.1080/00167428.2020.1814676>
- Esimova, A. B., & Valitova, Z. Kh. (2018). Representations of the student youth of Kazakhstan about the regions of the country (experience of using mental maps). *Sociological Research*, 4, 36–42. <https://doi.org/10.7868/S0132162518040049> (In Russian).
- External Youth Migration in Central Asia: Analyzing Risks and Minimizing Negative Effects*. (2019). International Organization for Migration. (In Russian).
- Faist, T. (2010). Diaspora and transnationalism: What kind of dance partners? In R. Bauböck & T. Faist (Eds.), *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*. Amsterdam University Press. <https://doi.org/10.5117/9789089642387>
- Faranda, R., & Nolle, D. B. (2011). Boundaries of ethnic identity in Central Asia: Titular and Russian perceptions of ethnic commonalities in Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Ethnic and Racial Studies*, 34(4), 620–642. <https://doi.org/10.1080/01419870.2010.516004>
- Flynn, M. (2007). Renegotiating Stability, Security and Identity in the Post-Soviet Borderlands: The Experience of Russian Communities in Uzbekistan. *Nationalities Papers*, 35(2), 267–288. <https://doi.org/10.1080/00905990701254359>
- Harris, C. D. (1993). The New Russian Minorities: A Statistical Overview. *Post-Soviet Geography*, 34(1), 1–27. <https://doi.org/10.1080/10605851.1993.10640919>
- Immigration to Russia: Good or Harm?* (2019, декабрь 19). VCIOM. News. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigracziya-v-rossiyu-bлаго-ili-vred> (In Russian).
- Jašina-Schäfer, A. (2019). Where Do I Belong? Narratives of Rodina among Russian-speaking Youth in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 71(1), 97–116. <https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1508645>
- Kaiser, M., & Beimenbetov, S. (2020). The Role of Repatriate Organisations in the Integration of Kazakhstan's Oralmandar. *Europe-Asia Studies*, 72(8), 1403–1425. <https://doi.org/10.1080/09668136.2020.1779183>
- Kaiser, R., & Chinn, J. (1995). Russian-Kazakh Relations in Kazakhstan. *Post-Soviet Geography*, 36(5), 257–273. <https://doi.org/10.1080/10605851.1995.10640992>
- Kapustina, E., & Borisova, E. (2021). Review of the theoretical discussion about the concept of transnationalism. In S. N. Abashina & O. E. Brednikova (Ed.), *Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality* (pp. 14–29). New Literary Review. (In Russian).
- Kaziev, S. Sh., Mogunova, M. V., & Mogunov, S. V. (2020). Interethnic marriages among urban Russians and Kazakhs of northern Kazakhstan. *Herald of Anthropology*, 51(3), 136–152. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2020-51-3/136-152> (In Russian).
- Kesici, O. (2011). The Dilemma in the Nation-Building Process: The Kazakh or Kazakhstani Nation. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, 10(1), 31–58.

- Kolstø, P. (1996). The new Russian diaspora - an identity of its own? Possible identity trajectories for Russians in the former Soviet republic. *Ethnic and Racial Studies*, 19(3), 609–639.
<https://doi.org/10.1080/01419870.1996.9993927>
- Laruelle, M. (2015). Russia as a “Divided Nation,” from Compatriots to Crimea: A Contribution to the Discussion on Nationalism and Foreign Policy. *Problems of Post-Communism*, 62(2), 88–97.
<https://doi.org/10.1080/10758216.2015.1010902>
- Laruelle, M. (2018). Why No Kazakh Novorossiia? Kazakhstan’s Russian Minority in a Post-Crimea World. *Problems of Post-Communism*, 65(1), 65–78.
<https://doi.org/10.1080/10758216.2016.1220257>
- Laruelle, M., Royce, D., & Beyssembayev, S. (2019). Untangling the puzzle of “Russia’s influence” in Kazakhstan. *Eurasian Geography and Economics*, 60(2), 211–243.
<https://doi.org/10.1080/15387216.2019.1645033>
- Masanov, N. E. (1995). Nation-building in Kazakhstan: analysis and forecast. *Bulletin of Eurasia*, 1, 117–128. (In Russian).
- Mkrtchyan, N. (2002). *Ethnic structure of migration flows from Central Asia to the Russian border area*. Demoscope Weekly.
<http://www.demoscope.ru/weekly/2002/087/analit03.php#3> (In Russian).
- Nysanbaev, A. N., Burova, E. E., & Sailaubekkyzy, A. (2019). Features of the identity of Kazakhstanis in a multicultural society. *Sociological Research*, 7, 37–47.
<https://doi.org/10.31857/S013216250005791-3> (In Russian).
- Panarin, S. A. (1999). Russian-speaking people at the external borders of Russia: challenges and answers (on the example of Kazakhstan). *Diaspora*, 2–3, 137–169. (In Russian).
- Peyrouse, S. (2007). Nationhood and the minority question in Central Asia. The Russians in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 59(3), 481–501. <https://doi.org/10.1080/09668130701239930>
- Podolskaya, E. (2021). *Chelyabinsk entered the top 10 cities attractive for migrants with a profession*. South Ural Panormama. <http://www.up74.ru/articles/news/128485/> (In Russian).
- Rees, K. M., & Williams, N. W. (2017). Explaining Kazakhstani identity: Supraethnic identity, ethnicity, language, and citizenship. *Nationalities Papers*, 45(5), 815–839.
<https://doi.org/10.1080/00905992.2017.1288204>
- Rees, K. M., Webb Williams, N., & Diener, A. C. (2021). Territorial Belonging and Homeland Disjuncture: Uneven Territorialisations in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies*, 73(4), 713–739.
<https://doi.org/10.1080/09668136.2021.1891206>
- Sadovskaya, E. Yu. (2009). Kazakhstan in the Central Asian Migration Subsystem. In J. A. Zayonchkovskaya & G. S. Vitkovskaya (Eds.), *Post-Soviet transformations: reflected in migrations* (pp. 279–321). IT “Adamant”. (In Russian).
- Sarsembayev, A. (1999). Imagined communities: Kazak nationalism and Kazakification in the 1990s. *Central Asian Survey*, 18(3), 319–346. <https://doi.org/10.1080/02634939995605>
- Savin, I. S. (2010). Russians in modern Kazakhstan. *Sociological Studies*, 8, 81–88. (In Russian).
- Siegelbaum, L. H., & Moch, L. P. (2016). Transnationalism in One Country? Seeing and Not Seeing Cross-Border Migration within the Soviet Union. *Slavic Review*, 75(4), 970–986.
<https://doi.org/10.5612/slavicreview.75.4.0970>

- Spehr, S., & Kassenova, N. (2012). Kazakhstan: Constructing identity in a post-Soviet society. *Asian Ethnicity*, 13(2), 135–151. <https://doi.org/10.1080/14631369.2012.638802>
- State Archives of the Russian Federation (GARF). (n. d.). (In Russian).
- Sushiy, S. Ya. (2018). Russians of Kazakhstan – geodemographic dynamics of the post-Soviet period and the prospects for the first half of the 21st century. *Sociological Research*, 8, 22–37. <https://doi.org/10.31857/S013216250000759-7> (In Russian).
- Sushiy, S. Ya. (2021). Russians of the Near Abroad in the Post-Soviet Period: Geodemographic, Ethnosocial, Sociocultural Aspects. *Populations*, 24(1), 103–116. <https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.10> (In Russian).
- Suvorova, N. N., Zhuravlev, A. V., & Ivanova, T. M. (1997). *Analysis of migration processes in the Chelyabinsk region*. Chelyabinsk. (In Russian).
- Tertree, D. (2017). Russian question in the post-Soviet period. *Bulletin of St. Petersburg University. History*, 62(1), 43–56. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2017.104> (In Russian).
- Vendina, O. (2019). Living in the Borderland: Interpretation of Border Security Problems by Residents of Russia's Border Cities. *Laboratorium: Journal of Social Research*, 11(2). <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-2-30-69> (In Russian).
- Wolfel, R. L. (2002). North to Astana: Nationalistic motives for the movement of the Kazakh(stani) capital. *Nationalities Papers*, 30(3), 485–506. <https://doi.org/10.1080/0090599022000011723>
- Zeveleva, O. (2014). Political aspects of repatriation: Germany, Russia, Kazakhstan. A comparative analysis. *Nationalities Papers*, 42(5), 808–827. <https://doi.org/10.1080/00905992.2014.916663>
- Zotova, M. V., Gritsenko, A. A., & Sebentsov, A. B. (2018). Everyday life in the Russian borderlands: motives and factors of cross-border practices. *Universe of Russia*, 27(4), 56–77. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77> (In Russian).